

**Соловьев-Несмелов Николай
Александрович**

**Из жизни великих и славных
людей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
Из жизни великих и славных людей / Соловьев-Несмелов Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 300 с.

ISBN 978-5-519-74854-4

Сборник рассказов

ISBN 978-5-519-74854-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рыя трещины его раздались шире, раскрылись глубже и пополнились новыми...

А время все убѣгало впередъ и впередъ; прошелъ годъ, другой и третій—и на широкой площадкѣ Мякъ-Мяки тутъ и тамъ на гранитныхъ фундаментахъ мелькалъ десятокъ деревянныхъ домовъ подъ темной черепицей, а одинъ такъ даже, точно замокъ древняго барона, забрался на самую острую вышку ея; тамъ часто вечерами гордый утесъ видѣлъ издали, какъ на кругломъ камнѣ у входа сидѣлъ старый финнъ съ короткой трубочкой въ зубахъ; старикъ всегда былъ угрюмъ и молчаливъ, а вблизи него всегда весело рѣзвились его маленькіе внуки съ бѣлыми, какъ лень, волосами.

«Ага! Хорошо вырылись кроты! Старого не станетъ,—молодые подрастутъ... Изроютъ тебя, моя милая соперница, еще больше изроютъ, еще сильнѣе, а до меня... до меня имъ не добратъся!» съ наслажденіемъ думаетъ про себя гордый утесъ и, счастливый, довольный, алѣетъ подъ солнцемъ ярче и ярче; не замѣчая, что зимніе морозы, весенніе и осенніе дожди и горячее, лѣтнее солнце, въ дружбѣ съ его постоянною завистью къ сосѣдкѣ, изрыли его гордую грудь сильнѣе настоячивыхъ финновъ...

А время идетъ и идетъ; прошелъ еще годъ одинъ, другой и третій; въ жаркіе лѣтніе дни на площади Мякъ-Мяки ужъ золотилась на черной наносной землѣ, разстилаясь подъ вѣтромъ, колосистая рожь, а гордый голый утесъ все стоялъ неизмѣнно. Онъ видѣлъ, какъ и прежде, по вечерамъ стараго финна на острой

вышкѣ Мякъ-Мяки, на томъ же камнѣ, съ той же коротенькой трубкой въ зубахъ...

И вотъ однажды видитъ онъ, взбирается туда на сѣромъ конѣ человекъ небольшого роста, а за нимъ, какъ за смѣлымъ предводителемъ своимъ, несутся десять всадниковъ, и передніе громко кричатъ:

— Государь, государь, правѣй, правѣй! Здѣсь круто!

Но сѣрый конь, вытянувъ шею, широко взмахнулъ передними ногами, и Великій Карлъ, нагнувъ треугольную шляпу на самые глаза, разомъ взлетѣлъ на вышку Мякъ-Мяки. И дрогнулъ гордый утесъ отъ злобы и зависти.

«Не ко мнѣ вошелъ онъ, гордый, какъ и я... не добро ему будетъ!» пророчилъ бѣду геніальному Карлу утесъ, и темныя тѣни облаковъ покрыли его голую вершину.

Утесъ ошибся. Не прошло и получаса, какъ, поговоривъ со старымъ финномъ о русскихъ-московитахъ, что ужъ годы беспокоятъ его невскія трясины, раздраженный король покинулъ Мякъ-Мяки и гнѣвно шагаль теперь по гордому утесу, опираясь лѣвой рукой о черную палку, а правой нервно потрясая кортикомъ.

— Не отдамъ, не отдамъ московитамъ ни одного камня и съ этого голаго утеса!—слышалась горделивая и возбужденная рѣчь Карла.— Смирю войной, пожаромъ московскаго Петра! Пусть тихо сидитъ въ Московіи, въ кремлевскихъ палатахъ, какъ сидѣли его отцы и дѣды!

И хмурилъ Карлъ густыя брови, больше и больше дрожала его правая рука, и трепеталъ въ ней острый кортикъ. Молча шла за нимъ

свита, затаивъ дыханіе, внимая рѣчи гнѣвнаго короля.

И вотъ взошелъ онъ на вершину голаго утеса, вперилъ сверкающія сѣрыя очи вдаль, въ тѣ мѣста, гдѣ, разливаясь на многіе рукава, среди лѣсовъ, болотъ и топей, катила свои воды къ синему взморью его царственная Нева, и гдѣ теперь стояли уже полки Петра.

И услышалъ гордый утесъ короткій, гнѣвный возгласъ Карла:

— Россъ... Россъ! Ты дорого заплатишь мнѣ за эти гранитные камни!

И онъ сердито топнулъ ногой разъ, два и три, и сорвались съ гордой гранитной скалы камня и шумно скатились по глубокимъ трещинамъ внизъ, и что-то глухо пророкотало тамъ, точно въ отвѣтъ гнѣвному возгласу гнѣвнаго Карла...

И опять пошли дни за днями, то бѣлѣло утро, то темнѣла ночь надъ утесомъ.

Теперь утесъ гордился тѣмъ, что самъ Великій Карлъ стоялъ на его вершинѣ, что онъ слышалъ его гнѣвъ на московитянъ, на непреклоннаго Петра, и вѣрилъ гордый утесъ, что сокрушить «шведскій левъ», такой же гордый и холодный, какъ и онъ, пробудившагося сонливаго росса...

Не разъ, безъ темныхъ тучъ, безъ огнистыхъ молній, при безоблачномъ небѣ, слышалъ гордый утесъ, съ невскихъ болотъ словно бы громъ грохоталъ,—это гремѣли пушки Петра. Этотъ рокотъ то слышался ближе, то дальше, и снова наставала тишина. Все такъ же зеленѣетъ сосновый лѣсъ, все такъ же колосится

въ жаркое лѣто золотистая рожь на площадкѣ Мякъ-Мяки, все такъ же на кругломъ камнѣ, у сѣрой избушки сидитъ по вечерамъ, съ короткой трубкой, старый финнъ, теперь совсѣмъ уже сгорбившійся, и, прищурясь, посматриваетъ безцвѣтными, слезливыми глазами на рослыхъ уже внуковъ, громко повторяющихъ дѣду:

— Пль не чуешь, дѣдко, россъ дошелъ до насъ, россъ завладѣлъ всѣмъ взморьемъ...

И дрогнулъ гордый утесъ,—недоброе почуялъ онъ...

Прошелъ часъ; чистое небо покрылось темной облачной пеленой, облака сгустились; прошелъ еще часъ,—и ливнемъ хлынулъ дождь, и мелкими ручьями потекли потоки по расщелинамъ гордаго утеса.

И видитъ онъ: по равнинѣ, подъ дождемъ, не снѣжно двигаются всадники, много всадниковъ,—и не счесть! Все рослые, одинъ другого выше, и самый высокій впереди.

Недоброе почуялъ гордый утесъ! Это всадники отъ Невы, эта гвардія Петрова, и съ нею самъ онъ, «великій шкиперъ», въ широкомъ парусинномъ балахонѣ.

Еще издали вперилъ онъ свой орлиный взоръ на гордый утесъ, покручивая черный усъ.

— Гляди-ка, Данилычъ,—подъѣзжая къ утесу и вытянувъ правую руку впередъ, громко сказалъ Петръ,—гляди-ка, какой чудесный гранитъ! А видишь ли тѣ дальнія сосны? Отсюда навеземъ мы на нашу Неву стройныхъ мачтъ, а съ этого утеса наколемъ вдоволь гранита, обложимъ имъ берега Невы, чтобы на насъ не

Петръ Великій.

гнивалась, не затопляла народъ въ наводненье!
Чудесные камни!

— Да, царь, камешки хороши!—придерживая горячаго коня, подтвердилъ съ ласковой улыбкой широкоплечій Меншиковъ, Данилычъ.

— Что и говорить, Алексѣичъ,—спрыгнувъ съ коня и пускаясь въ припрыжку на одной ногѣ пѣтухомъ, вставилъ тутъ свое шутливое слово умный царскій шутъ Балакиревъ, — камешки-то, правда, хороши, да дорогонько тебѣ достались...

— Ну, что жъ замолчалъ? Говори!—бросилъ ему слово Петръ.

— Охъ, Алексѣичъ, боюсь... Дубинка-то, кажись, у тебя близко...

— Ну, ладно, говори! На, Данилычъ, мой посохъ! Видно, шутъ всталъ нынче съ лѣвой ноги, что сталъ трусомъ!

— Не трусость, Алексѣичъ, говоритъ во мнѣ, а, видишь ты, спина чешется, а чесаться она начала съ того часа, какъ съ докладчикомъ твоимъ съ заморскаго купца бутылочку заморскаго роспили...

Громкій, веселый смѣхъ далеко прокатился по утесу: то смѣялся Петръ, счастливый, довольный трудной побѣдой, а молодой Ягужинскій, хитро улыбаясь, грозилъ шуту пальцемъ.

— Не грози, Паѣша, самъ знаю: языкъ мой—врагъ мой! Не по-товарищески сболтнулъ; да, вишь ты, дубинка Алексѣича смутила, — больно она длинна у него да укладиста!

Еще громче, веселѣе смѣялся теперь Петръ, шагая по утесу.

— А ну-ка, шутъ, бѣжимъ на утесъ! Кто скорѣе?

— Даравѣ тебя обгонимъ, Алексѣичъ! Ишь, ты какой пряткій—одна нога на Москвѣ-рѣкѣ, другая—на Невскомъ рукавѣ!

— Ну, ну, не скаль зубы, шевелись!—шутливо прикрикнулъ на него Петръ.

Балакиревъ закусилъ зубами полы зеленаго кафтана, засѣменилъ короткими ножками и, точно шаръ, покатился на утесъ. Взмахъ за взмахомъ бѣжалъ вначалѣ съ нимъ рослый Петръ; еще три-четыре взмаха—и Петръ далеко опередилъ шута. Балакиревъ тутъ же присѣлъ и дѣтскимъ голоскомъ пискнулъ:

— Ой, батюшки, умираю, Алексѣичъ, со-всѣмъ задѣхся, помираю!..

Петръ круто повернулъ назадъ, взялъ Балакирева за воротъ, и, пока тотъ въ воздухѣ болталъ ногами и все кричалъ «помираю!»—онъ легко втащилъ его наверхъ и поставилъ тамъ передъ собой. Балакиревъ весело вскрикнулъ:

— Вотъ мы и на мѣстѣ! Вотъ и доѣхали! Что, что? Я впереди тебя, Алексѣичъ, на этомъ мѣстечкѣ-то сталъ!

— Ври больше!

— Къ чему же врать? Ты, Алексѣичъ, по-ди, такъ-то не одного снизу вверхъ вытащилъ,—вонъ ихъ сколько павлинами ходятъ! Тѣмъ ничего никогда не сказалъ, а Балакиревъ чуть словомъ обмолвился—будто и невѣсть что совралъ передъ тобой!..

— Молчи, шутъ! Дай мнѣ полюбоваться отсюда на горы!

И шутъ замолкъ, а Петръ молча сталъ осматривать окрестности кругомъ.

Давно уже затихъ дождь, небо очистилось, проглянуло солнце.

Петръ сидѣлъ спокойно на утесѣ и о чемъ-то сосредоточенно думалъ; а полукругомъ, вблизи него размѣстились и задумчивый Брюсъ, и добродушный Яковъ Долгорукій, и осанистый, плотный Данилычъ Меншиковъ, и сумрачный Шереметевъ, и улыбающійся красавецъ Павелъ Ягужинскій, и массивный Репнинъ, и полнолицый Апраксинъ—всѣ эти «птенцы гнѣзда Петрова», обкуренные шведскимъ порохомъ въ Полтавской битвѣ. И царь-шкиперъ и всѣ его сподвижники на этомъ гордомъ утесѣ проводили теперь счастливыя минуты полного успѣха.

Передъ ними налѣво, въ глубокой ложбинѣ, какъ въ чашѣ, спокойно синѣло безыменное озеро, и долго не могъ оторвать своего взора отъ этихъ спокойныхъ водъ державный Петръ.

— Глядите, какъ тихо оно!—сказалъ онъ наконецъ.—Какъ все здѣсь тихо! Вонъ и лѣсъ спитъ, точно эти камни! Но чую сердцемъ, придетъ время, оживутъ и эти камни, и этотъ лѣсъ, и это озеро! Какъ хотѣлось бы мнѣ, знаешь, Долгоруковъ, сколотить вотъ такую телѣгу, чтобы она сама безъ-устали каталась и въ гору и подъ гору, какъ по ровному мѣсту, чтобы можно было скоро-скоро, когда захотѣлъ, проѣхать и туда и сюда и разбудить этотъ сонъ!

— Да ты и такъ, государь, летаешь быстро; вокругъ тебя, кажись, сна-то немного,—самъ спозаранку оставляешь опочивальню, такъ приспѣшникамъ твоимъ спать подолгу не приходится...

И бросилъ царь свой взоръ дальше, влѣво, за лѣсъ, на холмы.

— Вотъ тамъ,—махнулъ онъ рукой,—хорошо разбросать поселенье, близко и лѣсъ и озеро подъ рукой. Усядутся люди, и все оживетъ.

— Правда твоя, царь!—подтвердилъ Данилычъ.

Долго сидѣлъ на утесѣ Петръ со своими птенцами; день ужъ клонился къ вечеру, когда онъ покинулъ гордый утесъ и сидѣлъ теперь со старымъ финномъ на камнѣ, на вершинѣ Мякъ-Мяки.

Старикъ встрѣтилъ его угрюмо, долго молчалъ на разспросы, но Петръ обласкалъ старика, и онъ, скупой на слова, наконецъ, разговорился и рассказалъ Петру, что въ ихъ озерѣ много хорошей рыбы,—есть крупная форель и окунь и ершь... Природа, хоть скупа и сурова, но по малости даетъ и рожь и овесъ... Лошадь хоть по этимъ мѣстамъ и мелка, но бѣгаетъ бойко, сильна и къ горнымъ тропамъ привычна... Что они хоть теперь попали и къ другому царю, но на все, вѣрно, Божія воля, противъ Его, Создателя, не пойдешь... Можетъ, будетъ не плохо внукамъ и за новымъ царемъ.

— Вѣрь, старый, не плохо будетъ! Живите себѣ и боритесь съ природой, какъ вы съ ней боролись и прежде, и будьте терпѣливы, богаты и счастливы!

— Дай бы Богъ твоими устами медъ пить!

— Пейте, пейте во здравіе Петрово! И если сумѣете сладкій медъ заварить себѣ,—его не прочь ино время и царь распить съ вами кружку, другую! — съ улыбкой говорилъ старику Петръ.

И долго, пристально, прищуря помутившіеся отъ старости глаза и усиленно моргая, глядѣлъ на него дряхлый финнъ, недоумѣвая, кто этотъ высокій россъ, предъ которымъ молча стоятъ всѣ другіе россы. И какъ это онъ, хоть и россъ, а говоритъ такъ хорошо, душевно и ему, финну, и простъ кажется онъ съ виду и мудренъ что-то...

Прошли года, десятки лѣтъ. Ужъ гордаго утеса какъ не бывало вблизи Мякъ-Мяки. Тамъ пролегла теперь проѣзжая дорога, а по сторонамъ ея раскинулись на гранитныхъ фундаментахъ ряды домовъ Новой Кирки финскихъ поселенцевъ. Тутъ выросло назначенное когда-то на гордомъ утесѣ Петромъ поселенье, и объ этомъ утесѣ сохранилось одно лишь преданіе.

Куда же дѣвался гордый утесъ? Кто смель его властной рукой съ его родного мѣста? Тотъ «простой, мудреный россъ», который тогда еще, сидя на вершинѣ его, рѣшилъ: «Быть этимъ славнымъ камнямъ красивой набережной на его царственной Невѣ!»

И россы годъ за годомъ киркой и молотомъ разбили гордый утесъ на большія глыбы и постепенно свезли его на берега шумной Невы...

Затихъ, смирился утесъ; лежитъ онъ теперь высокими плитами вдоль берега Невы на Васильевскомъ славномъ островѣ.

Ночь. Тихо плыветъ по чистому небу луна и широкими полосами серебрить красавицу Неву. Пароходы, ялики темнѣютъ у гранитныхъ береговъ; замолкло движеніе по рѣкѣ,—все дремлетъ, все спитъ.

Не спятъ одни гранитные камни стараго гордаго утеса. И ночью они такъ же молча смо-